

τῆς κάλυκος, μὴ τὴν σταφυλὴν ὀμφακί-
ζουσαν... Σὺ θερίσεις τὸν ἄσταχυον, ἀλλ'
ὅταν λευκανθῇ σοι τὸ λήιον· σὺ τὴν ῥοδιανίαν
ἀπανθίσεις, ἀλλ' ὅταν πεπανθῆν τὸ ῥόδον
προκύψῃ τῆς κάλυκος

Исминий, пощади мою девственность,
не срежай до срока колосьев, не сры-
вай розу, пока она не раскрылась,
не тронь зеленого винограда...
Ты срежешь колос, но когда нива
засолотится; сорвешь розу, но когда
она расцветет...

aviez osté//de son rosier; n'est pas
droiture//que l'en l'oste de sa nature.//
Vilains estes du demander!//Lessiez
le croistre et amender

В ответ на просьбу героя сорвать
для него розу Добрый привет от-
вечает: «Брат, Вы хотите невозмож-
ного. Как! Неужто Вы хотите меня
опозорить? Я был бы глупцом,
если б Вы сорвали бутон с розового
куста; не подобает его отрывать
от родного лона. Вы — наглец, что
его домогаетесь. Оставьте его расти
и расцвести.

Не все параллели к роману Гийома, содержащиеся в перечне, в рав-
ной степени могут пролить свет на причину, обусловившую их происхожде-
ние, а иные, возможно, возникли случайно, на основе сходных жизнен-
ных впечатлений или как следствие конвенциональной образности (особенно
справедливо такое предположение для № 6—9). Все же неосторожно было бы
объяснять ходство конвенциональной образности, поскольку далеко
не все наши примеры подходят под эту рубрику; в равной мере нельзя
счесть совпадения случайными, так как их слишком много, и три номера
из девяти однотипны и восходят к кругу мотивов и образов греческого
романа (№ 1—3), принадлежа к постоянным особенностям этого литера-
турного вида ¹¹.

Мы не располагаем и источником, который мог бы послужить одновре-
менно Гийому и Евмафию ¹², так что остается истолковать парадоксаль-
ное сходство их романов заимствованием французского автора, жившего
позднее Евмафия, из «Повести». При современном состоянии наших сведе-
ний о византино-западных связях это предположение вполне обосновано,
поскольку, как показали исследования последних лет, связи между Ви-
зантией и Западом в первой трети XIII в. («Роман о розе» возник около
1230 г.) были достаточно тесны и влияние ее культуры на культуру латин-
ского мира достаточно интенсивно ¹³. Рассматривая в этом аспекте соб-
ранный в перечне материал, можно обнаружить одну несомненную рецеп-
цию из «Повести», описание ограды, так как оно не имеет аналогий в ан-
тичной и средневековой греко- и романоязычной литературе, включая
сюда и старофранцузскую, и до интересующего нас хронологического
рубежа (ок. 1230 г.) встречается только у Евмафия ¹⁴. Все остальные
детали, роднящие «Повесть» с «Романом о розе», могли появиться у Гийома
и вне зависимости от Евмафия, так как неоднократно встречались в про-
изведениях его предшественников. Поскольку регистрация даже одной
параллели к тексту «Романа» позволяет считать «Повесть» не единственно

¹¹ Указанные элементы не составляли исключительной принадлежности греческого романа, встречаясь в различных жанрах древне- и среднегреческой литературы. Однако совокупное их появление, как у Гийома, и вдобавок на фоне сюжетной схемы греческого романа, показательно для генеалогии этих номеров.

¹² В духе господствовавшей в начале века филологической школы Уоррен (op. cit., p. 235, 241) постулировал некий якобы общий источник, который он ближе не определил.

¹³ Вопрос о византино-западных связях привлекает к себе последнее время все больше и больше внимания; в результате этого, надо надеяться, традиционное умаление роли византийского воздействия на средневековую Европу будет преодолено.

¹⁴ Ланглуа (*E. Langlois. Origines et sources du Roman de La Rose. Paris. 1891, p. 76; idem. Roman. . .*, прим. к ст. 132 сл.; 1323 и 78 — по нумерации стихов, принятой в этом издании) и Уоррен (op. cit., p. 236) согласно свидетельствуют, что в западной литературе этот мотив отсутствует.